

Перевод: Simlirr

Редактор: Naides

Когда Гу Тинье подхватил её на руки, Минлань лишь до смерти перепугалась, оказавшись на непривычной для себя высоте, и изо всех сил обхватила его за шею. Видеть землю дальше обычного было непривычно и неудобно. Цветочные узоры на ковре мелькали перед её глазами, пока Гу Тинье кружился по комнате. Ей хотелось закричать, но она не могла выдать из себя ни звука.

— Опустить меня, — кое-как пробормотала она, мысленно добавив «ты, придурок!»

В ответ он расхохотался так громко, что снаружи даже донеслись испуганные возгласы дежуривших у дверей служанок. Однако они быстро различили счастье в его смехе. И, когда Льючжи и прочие заглянули в комнату, в их глазах читалось лишь удивление и восхищение.

Гу Тинье сумел разобрать слова Минлань лишь спустя ещё несколько оборотов. Посмотрев на неё, он осознал, что всё это время она изо всех сил цеплялась за его шею и смотрела на него широко распахнутыми глазами, словно испуганная белка. Это довольно быстро привело его в чувства, и он аккуратно уложил её на кровать.

— Тебе было неприятно? Прости, я потерял голову. У тебя кружится голова? Ты хочешь отдохнуть? Может, ты голодна? Просто полежи... — бормоча что-то неразборчивое, он принялся подкладывать под спину Минлань подушки, и помог ей принять полусидячее положение.

Минлань, которую до сих пор мотало из стороны в сторону, гневно произнесла:

— Я в полном порядке! Ничего у меня не кружится. И да, я голодна. Почему ты говоришь мне отдохнуть, когда я даже не пообедала? И, как, по-твоему, я должна лежать, когда у меня под спиной столько подушек?

Гу Тинье тут же помог Минлань улечься поудобнее. Понятия не имея, что делать дальше, он принялся нарезать круги по комнате, сложив руки за спиной. На седьмом или восьмом круге его настигло внезапное озарение.

— Точно! Я должен пригласить сюда императорского лекаря! — воскликнул он, стукнув кулаком по ладони, и тут же приказал одной из служанок подать ему бумагу для официального приглашения.

Минлань лежала на кровати, обняв одну из подушек, и разглядывала потолок, покрытый

изящными разноцветными узорами, которые были местами золотыми и серебряными. В узорах доминировала тема летучих мышей, которые символизировали удачу, и гранатовых деревьев, которые символизировали благословение. На одном из рисунков была изображена крупная и упитанная летучая мышь-отец, за которым летело несколько маленьких летучих мышат, сопровождаемых летучей мышью-матерью. Она выглядела покорной и безропотной. Что за прекрасная семья!

Императорский лекарь прибыл, когда Минлань ещё только заканчивала трапезу.

Тем временем Гу Тинье всё ещё пребывал в прострации и ел неохотно, все поданные блюда казались ему безвкусными. Его поведение шокировало большую часть служанок. Иногда он опускал голову и тихонько хихикал в свою тарелку, затем поднимал голову и смотрел на Минлань взглядом, полным любви и обожания. Один раз, правда, когда он посмотрел на Минлань, его лучезарная улыбка померкла, и он нахмурился, впрочем, спустя несколько мгновений он снова просиял. Столь резкая смена настроения даже напугала некоторых служанок.

Минлань же пребывала в хорошем настроении и обедала спокойно и с большим аппетитом — за этот день она успела потратить достаточно много сил. Она даже выпила две дополнительных чашки супа и попросила добавку риса.

После того как она умылась и вытерла руки и рот, в комнату вошел императорский лекарь. Его звали лекарь Чжуо. Это был мужчина с довольно бледным лицом и массивным квадратным подбородком. Семья гун Ина высоко ценила его навыки, и именно они представили его семье Шень (семья императрицы). Он пребывал в самом расцвете сил, но при этом уже обладал огромным опытом.

Гу Тинье стоял поодаль с понурым видом и напоминал скорее не человека, чья жена была беременна, а человека, вот-вот готовящегося стать вдовцом. Изначально он хотел пригласить лекаря Чжана, старого лекаря, который ныне работал в императорской лечебнице, но тот сейчас был занят какими-то неотложными делами в императорском дворце, и даже Гу Тинье не мог себе позволить оторвать его от этих дел.

Господин Чжуо померил пульс Минлань через носовой платок. Она сидела, скрытая занавеской. Некоторое время он выглядел задумчивым, но затем улыбнулся и, поклонившись Гу Тинье, произнёс:

— Мои поздравления, господин. Ваша жена беременна. Она уже на третьем месяце.

— Спасибо вам, лекарь, — поблагодарил Гу Тинье. Его брат умер в июне. После этого Гу Тинье с неохотой пришлось соблюдать период траура, и потому последние три месяца он прожил без секса. Сейчас была уже середина декабря. Боги, воистину, благословили его семью. Внешне он выглядел спокойным, но в глубине души он ликовал.

Когда лекарь закончил обследование, Гу Тинье пригласил его в кабинет и расспросил его о

множестве вещей. Лишь когда лекарь Чжуо уже с трудом сдерживал смех, Гу Тинье отпустил его, вручив напоследок приличную сумму денег.

Этой ночью Гу Тинье не занимался делами в кабинете как обычно. Приняв ванну, он сразу же отправился в кровать. Его язык по остроте не уступал его мечу, что делало его мастером в ссорах и словесных перепалках. Однако он был далеко не так хорош в успокаивании других людей, и он понятия не имел, что сказать Минлань, поэтому лишь крепко обнимал её.

Минлань чувствовала как он прижимается грудью к её спине и ощущала его горячее и влажное дыхание на своей шее. Одна из его рук лежала у неё на животе. Несмотря на то что они оба молчали, Минлань явственно чувствовала, насколько он был счастлив.

Поддавшись этой мирной и гармоничной атмосфере, Минлань начала проваливаться в сон. Пребывая в полудрёме, она внезапно услышала тихий вздох, наполненный некой грустью. Ей стало любопытно и, повернувшись к нему лицом, она поинтересовалась:

— Почему ты вздыхаешь?

В комнате повисла неловкая тишина. Спустя продолжительное время Гу Тинье неловко ответил:

— Я внезапно вспомнил Чана.

Сонливость Минлань как рукой сняло, и она широко распахнула глаза. Эта тема давно интересовала её, однако Гу Тинье крайне неохотно говорил что-либо о своём сыне, поэтому ей приходилось сдерживать любопытство. На её памяти это был первый раз, когда он сам поднял эту тему.

— Жун жила с нами довольно долго. Пускай она никогда и не упоминала о своём брате, я знаю, она сильно скучает по нему. К слову, а как сейчас поживает Чан и его мать? — осторожно спросила Минлань, чувствуя, как у неё на душе скребутся кошки.

После ещё одного длительного периода молчания, Гу Тинье повернулся на спину и ответил:

— Он хорошо одет и накормлен, и живёт в безопасности в поместье, — в его голосе явственно слышалась грусть. — Это всё.

— Господин... Вы сожалеете? — спросила Минлань, прильнув к нему.

Холодными зимними ночами вроде этой, ей было довольно уютно прижиматься к его тёплому и могучему телу.

— Нет, — на удивление спокойно ответил он. Гу Тинье подвинул руку, чтобы Минлань могла улечься поудобнее. — Я встретил Маньян, когда мне было всего шестнадцать, — продолжил он. — С тех пор прошло десять лет. Сейчас я прекрасно знаю, что она за человек, — замолкнув на несколько секунд, он горько усмехнулся. — Не обманывайся тем, что она всего лишь женщина. Она умнее большинства мужчин. Если она по-настоящему хочет, чтобы что-то произошло, она получит двойные результаты, приложив вдвое меньше усилий. А если она хочет не допустить чего-либо, никто не способен ей помешать. Я... Не могу подвергать такому риску тебя и нашего ребёнка.

Теперь настало время Минлань молча обдумывать сказанное.

— Это... второй раз, когда ты хвалишь её при мне, — тихо ответила она. — Она правда настолько способная?

Минлань почувствовала, как он прикоснулся рукой к её лицу. Его ладонь была грубой и мозолистой, что резко контрастировало с её нежной кожей.

— В критических случаях она способна продемонстрировать и ум, и храбрость, — ледяным тоном произнёс Гу Тинье. — Она способна вытерпеть многое из того, что не под силу обычным людям, и её действия зачастую обманчивы. Даже все члены Цаобана восхваляли её без остановки. За те десять лет, что мы провели вместе, она практически никогда не показывала своё истинное лицо. Если бы я не принялся выяснять это целенаправленно, я бы до сих пор понятия не имел, какова она на самом деле.

Минлань одевали противоречивые эмоции.

— Каждый в чём-то хорош, — глухо ответила она.

Маньян, должно быть, была хорошей актрисой и имела в своём арсенале множество приёмов.

Уловив грусть в её голосе, Гу Тинье усмехнулся и крепко обнял Минлань.

— Глупышка, — с нежностью в голосе произнёс он, прижав её к себе.

Из-за того что он сильно прижал её к себе, Минлань, уткнувшись в него носом, не могла даже внятно говорить. Она попыталась оттолкнуть его рукой, но у неё ничего не вышло: он был слишком силен. Осознав бесплодность своих попыток, она принялась щекотать его бока. Вскоре Гу Тинье, не выдержав, засмеялся. И, выпустив её из объятий, поймал её за руки.

Посмеявшись ещё некоторое время, они успокоились и уютно устроились в объятиях друг друга. Гу Тинье смотрел на то, как тёмные занавески на окнах колышутся, словно воды реки весной. Изредка сквозь них в комнату проникал тусклый лунный свет. Неожиданно он вспомнил свою первую встречу с Маньян.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648833>